

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 4, pp. 656–667, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-656-667

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-656-667

Женщины нойонского сословия в Калмыцком ханстве в XVIII в.: к истории повседневности

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: batmaev44[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Батмаев М. М., 2024

Аннотация. *Введение.* О положении калмыцких женщин в быту и общественных отношениях в XIX – начале XX вв. встречаются довольно содержательные иллюстрации в дореволюционной исторической литературе о калмыках. XVIII в. был важным этапом в становлении новых реальностей в калмыцкой повседневности, а в связи с этим в развитии социально-психологической ментальности. Проживание на юге Европейской России, где в менталитете местного населения большое место занимал дух казачества и беглого крестьянства, не могло не повлиять на калмыков, в том числе и на их женщин. *Целью* статьи является освещение реального положения нойонш в XVIII в. и выявление новых социально-бытовых условий их жизни. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной задачи использованы дореволюционные исторические работы и по большей части впервые вводимые в научный оборот архивные материалы. При изучении использованного документального материала применялись историко-сравнительный и историко-генетический методы. *Результаты.* В XVIII в. калмыцкие нойонши постепенно освобождались от некоторых стеснительных для них обычаев и бытовых предписаний. Вместе с тем меняющиеся социально-бытовые условия вводили в положение нойонш новые обстоятельства. Подобный процесс приводил к разладу в нойонских семьях и давал возможность вмешательства в эти распри российской администрации, действия которых не всегда были корректны.

Ключевые слова: женщины-калмычки, социально-бытовая реальность, калмыцкая семья, нойонши

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Женщины нойонского сословия в Калмыцком ханстве в XVIII в.: к истории повседневности // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 656–667. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-656-667

Women of the Noyon Estate in the Kalmyk Khanate in the 18th Century: towards the Everyday Life History

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-2233-0647. E-mail: batmaev44[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Batmaev M. M., 2024

Abstract. *Introduction.* There are good sketches about the status of the Kalmyk women in everyday life and social relations in the 19th and early 20th centuries in the pre-revolutionary historical literature on the Kalmyks. The 18th century was an important stage in the formation of new realities in the Kalmyk everyday life and in this regard in the development of socio-psychological mentality. Living in the south of the European Russia, where the spirit of the Cossacks and the fugitive peasantry had a great place in the mentality of the local population, could not fail to affect the Kalmyks, including their women. The *aim* of the article is to highlight the real situation of the Noyon women in the 18th century and to reveal the new social and living conditions of their life. *Materials and methods.* To achieve this goal, the relevant literature and, for the most part, archival materials introduced into scientific circulation for the first time were used. Historical, historical-comparative and historical-genetic methods were used in the study of the documentary material. *Results.* In the 18th century the Kalmyk noyons gradually got rid of some of the customs and household regulations that were embarrassing for them. At the same time, the changing social and living conditions introduced new circumstances into the situation of the noyon women. Such a process led to discord in the Noyon families and made it possible for the Russian administration to intervene in these feuds. Its actions were not always correct.

Keywords: Kalmyk women, social and domestic reality, Kalmyk family, Noyon women

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134- 6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Batmaev M. M. Women of the Noyon Estate in the Kalmyk Khanate in the 18th Century: towards the Everyday Life History. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 656–667. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-656-667.

1. Введение

О положении калмыцких женщин в быту и общественных отношениях в XIX – начале XX вв. встречаются довольно содержательные иллюстрации в дореволюционной исторической литературе о калмыках. XVIII в. был важным этапом в становлении новых реальностей в калмыцкой повседневности, а в связи с этим в развитии социально-психологической ментальности. Проживание на юге Европейской России, где в менталитете местного населения большое место занимал дух казачества и беглого крестьянства, не могло не повлиять на калмыков, в том числе и на их женщин.

И. Г. Георги, участник второй волны академических экспедиций 1768–1774 гг., писал, что у калмыков «женский пол из дворянства называется белым, а из простолюдинов черным мясом» [Георги 1799: 6]. Кажется, что здесь маститый ученый оговорился или имеет место неправильный перевод. Скорее всего, здесь

имеется в виду известное деление калмыцкого населения на белую и черную кость. Зато мы должны с уважением и некоторой признательностью принять его убеждение в том, что «у калмыков женский пол содержится весьма хорошо, и в обхождении очень смел» [Георги 1799: 15].

В благожелательном тоне отзывался о калмычках и вообще обо всех калмыках Н. А. Нефедьев. Приведем один подобный отзыв целиком, так как из-за сокращения он может потерять стройность и убедительность. «Полная свобода женщин и худая оценка со стороны калмыков добродетелей прекрасного пола не подает повода к разрушению благонравия. Напротив того, там не найдешь примера, который гласностью непозволительных связей или явным пренебрежением целомудрия служил бы для других открытым соблазном. Вообще о калмыках можно сказать, что они при самой полудикости (тогда многие думали так. — М. Б.) их, во всем том, что представляется пороком или неблагопристойностью, стараются быть осторожными» [Нефедьев 1834: 179].

Целью статьи является освещение реального положения нойонш в XVIII в. и выявление новых социально-бытовых условий их жизни, поэтому кратко осветим обычай воспитания нойонских детей и некоторые обычаи, касающиеся женщин-представителей сословия нойонов, а затем остановимся подробнее на одной из их представительниц, которая выделяется своими поступками из общего ряда.

2. Материалы и методы

Для достижения поставленной задачи использованы соответствующая литература и по большей части впервые вводимые в научный оборот архивные материалы из следующих архивных фондов центрального и местного архивов: Ф. 119 «Калмыцкие дела» Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ); Ф. И-33 «Калмыцкая канцелярия, г. Астрахань», Ф. И-34 «Астраханское калмыцкое правление», Ф. И-35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии», Ф. И-36 «Состоящий при „Калмыцких делах“ при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК). При подготовке статьи использовались системный, сравнительный и функциональный методы.

3. Результаты

3.1. Обычай воспитания нойонских детей. Права и запреты в отношении женщин

Сразу после рождения или же вскоре после него (в архивных материалах об этом точно не сказано) отпрыск нойонской семьи, как мужского, так и женского пола, поручался заботам выбранной родителями семьи кормильца, обычно из семьи зайсангов или же из духовных людей. Так, в одном из архивных дел говорится о Санжи гелюне, «которому дана для воспитания Дунду Гунбина (Дондук-Омбо. — М. Б.) дочь, а сын ево, Санжи геленов Дамдин, всегда во услугах при Дунду Гунбе» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 57]. Из письма Дондук-Даши генерал-лейтенанту И. Ф. Барятинскому, которому в то время поручено улаживание междоусобиц нойонов, следует, что «... Баксадаева сына кормилицу бабу

летом как взяли, то вы обещали после тово отпустить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 52. Л. 358]. Речь идет о сыне Баксадая-Доржи, в крещении Петре Тайшине.

Самый младший сын Дондук-Омбо Джубасар был отдан «на пропитание Отхуну зайсангу» [НА РК. Ф. И-36. Д. 134. Л. 134]. Сын последнего наместника ханства Убаши находился на воспитании у Бакши-гелюна, который считался калмыками «главным из духовных» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 218. Л. 88]. Во время событий января 1771 г. в записи одного допроса говорится: «Причем слышал он [, что] „Аджагул, что Башин кури лама Шампин-Эмчи, у которого наместниковы дети, сын и дочь, воспитываются, не хотел от Волги кочевать“, но заставлен насильно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 424. Л. 24]. Нойон Цагалай, бывший в 1788 г. заседателем астраханского нижнего земского суда, сообщал, что 26 кибиток его подвластных «сего года, 1788, мая в последних числах ис того уезда (Черноярского. — М. Б.) с кибитками бежали и увезли малолетнюю мою дочь, находящуюся у одного из них на воспитании» [НА РК. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 24].

Сведения о том, какие права или запреты налагались на нойонш в повседневной социально-бытовой сфере, мы не обнаружили в архивных материалах, но вот что пишет на этот счет П. И. Небольсин: «Калмычка не скрывает лица от посторонних взглядов; она молится в хуруле вместе с мужем и сыновьями; она может затевать игры с чужими мужчинами» [Небольсин 1852: 117]. П. И. Небольсин также отмечает, что женщина-калмычка являлась полной распорядительницей в своем доме; женщина, будь то жена или дочь, сама угощала почетных гостей, причем от ее потчевания нельзя было отказаться. Предложение женщины выпить чашку теплой арзы, только что выгнанной ею, нельзя было отвергнуть, так как такой отказ считался тяжкой обидой дому. Особое отношение отличало бытовые отношения, связанные с конем кочевников. Считалось, что женщина не должна седлать коня, это обязан выполнять мужчина, он должен полностью экипировать лошадь и подвести ее к женщине. Мужчины любого сословия не имели права даже простой женщине передать своего коня, чтобы она его держала за повод. При этом каждый мужчина, даже если это был бы сам нойон, заметив, что встретившаяся ему женщина хочет сойти со своего коня, должен был спешиться и помочь ей сойти с седла [Небольсин 1852: 118].

Отношение к женщине отражено в различных этикетных ситуациях, упоминаемых исследователем. Так, мужчина, приглашавший женщину на танцы, должен был встать перед ней на колени, приложив при этом руку ко лбу, потом слегка коснуться колена приглашаемой. Женщина, приглашая мужчину к танцам, слегка склонялась перед ним и касалась рукой его плеча. Замужняя женщина благодарила мужчину, проводя правой рукой по чехлу, который облекал ее правую косу; девушка в подобной ситуации благодарила молча, глазами. Мужчина же в ответ женщине должен был особым образом ее благодарить, соединив большой палец правой руки с указательным, приложив их ко лбу. Женщина не должна была перешагивать через мужские ноги, через нагайку, укрюк или винтовку, нельзя было задеть их подолом, а также коснуться блюд с пищей и чашек с вином. Нельзя было самовольно сесть при старших родственниках, начинать разговор без их приглашения к тому. Женщина никогда и ни перед кем не должна была сидеть в развязной позе, подвернув обе ноги под себя калачиком. И, наконец, женщина не имела нагайки, она могла использовать только плеть [Небольсин 1852: 117–119].

Удивительно, но даже Н. Я. Бичурин утверждал, что калмыки не знали ни домоводства, ни земледелия [Бичурин 1991:108]. К. И. Костенков также упрощал положение женщин времен ханства, когда писал: «Работа женщин ограничивается шитьем тулупов, обуви, платья, кожаной посуды: ведр, бартога (бутылей), валянием кожи (войлоков) для покрывания кибиток, плетением тесьмы из шерсти и шелку с серебром для украшения одежды и т. п.» [Костенков 1870: 134].

Почему же названные авторы, да и не только они, не упоминают хотя бы работы по содержанию скота и уходу за детьми? Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что главной ошибкой досоветских авторов, писавших о калмыках, было занижение ими уровня социально-политического и культурного развития. Даже Н. Н. Пальмов был убежден, что «рассматривая ойратские законы 1640 года, нельзя не признать, что определяемый ими быт носит все признаки, присущие патриархально-родовой жизни» [Пальмов 1929: 12].

Представляется, что если и не все, то определенная часть этих предписаний соблюдалась и нойоншами, правда, согласно своей социальной принадлежности.

Так, Н. А. Нефедьев отмечал: «Нойоны и зайсанги, вернее, некоторые из них, почти никогда не оставляют кибиток своих; сидят, поджавши ноги, и попеременно перебирают четки, курят табак и — едят. Другие разнообразят иногда праздность слушая сказки, или выезжают в поле на охоту с гончими собаками и балабанами (охотничьими птицами. — М. Б.)». [Нефедьев 1834: 119]. Некоторые нойонши могли вести себя так же.

В XVIII в. в среде нойонш начались процессы постепенного их освобождения от некоторых стеснительных для них предписаний. Так, полковник Н. Г. Спицын, руководивший в 1740-х гг. Калмыцкими делами, в доношении Коллегии иностранных дел от 23 ноября 1747 г. сообщал: «... ныне вошло у них в обычай, что от многих знатных владельцев жены своевольно отходят и выходят в замужество за других, за кого пожелают» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 218. Л. 114].

Наместник Убаши в октябре 1763 г. писал в ту же Коллегию, что «прежде, по обыкновению их (т. е. калмыков. — М. Б.), женщины отделенными сыновьям их частями довольствовались. Чакдорчаб и Чемет (брат Аюки. — М. Б.) имели многих жен, которым улусы свои разделяли по частям и оными всеми вообще сами владели» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 364. Л. 525].

При этом супруги у представителей владельческого сословия весьма часто происходили из иной, нежели их мужья, субэтнической группы, и семейные раздоры отражались и на внутренней ситуации в ханстве. В этой связи Екатерина II обратилась с грамотой от 12 августа 1762 г. к наместнику и его окружению. В грамоте говорилось о том, что вследствие ссор владельцев с супругами возникают междоусобицы («столкновения») между родственниками с обеих сторон. Такие дела нужно также решать в реорганизованном Зарго, и, если понадобится, для решения определенных дел привлекать дополнительных людей, причем по бракоразводным делам к судьям необходимо присоединять дополнительно людей с обеих сторон (мужа и жены) и от духовенства [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 346. Л. 112–125]. Императрица отмечала, что «наставление» дано, чтобы пресечь «холодности» «между торгоутскими, дербетовскими, хошеутовскими и вновь пришедшими зенгорскими владельцами» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 346. Л. 121об.]. Особого значения эта грамота не имела: столкновения и ссоры среди владельцев продолжились.

3.2. Женитьба на нойонше как способ приобрести улус: история Даши-Бирюнь

В октябре 1724 г. через укрепленную Царицынскую линию перешли и кочевали с Досангом четыре его мачехи, в том числе Даши-Бирюнь [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 11. Д. 6. Л. 268об.]. Она являлась по рождению джунгаркой и была выдана замуж сначала за Гунчжаба, затем за Гунделека, хотя последний по договоренности должен был жениться на Дарме-Бале, на которой позже женился отец Гунделека — хан Аюка [Бакунин 1995: 27]. После его смерти Даши-Бирюнь была замужем за его старшим братом Чагдорджабом — отцом Досанга.

После смерти Чагдорджаба на Даши-Бирюнь хотели жениться еще один брат ее супругов Церен-Дондук, сыновья Чагдорджаба Досанг и Баксадай-Дорджи. Аюка спрашивал ее мнения, и та ответила, что до достижения совершеннолетия своего сына замуж не будет выходить, так как она желает передать ему улус багацатанов, на который может претендовать тот, кто пожелает стать ее следующим супругом. Аюка оставил решение за ней по этому вопросу. После смерти же хана его вдова Дарма-Бала, подозревая, что якобы Даши-Бирюнь хочет уйти к Досангу (претендовавшему на престол), отобрала ее сына и дочь и отдала Эмчи-гелюну, при этом около 200 кибиток они распределили между собой [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 144].

С этого момента за жизнью Даши-Бирюнь организовали негласное наблюдение. Вскоре появилось известие о том, что Нитар-Дорджи, младший брат Досанга, чтобы не допустить ухода Даши-Бирюнь на луговую сторону Волги, стал собирать войска, и для нагнетания страха одного знатного из простолюдинов, который говорил, что ему выехать было не на чем, «он, Нитар, убил до смерти, и у тех, у кого есть что лошадей и больше, отбирал и отдавал для помянутого дела тем, кому за скудостью не на чем было выехать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 429].

В одном сообщении Дондук-Даши назвал Даши-Бирюнь женой Досанга. Если это было верно, то следует, что она вышла за него замуж или он ее принудил сделать подобный шаг. Досанг, объединив своих людей с людьми Даши-Бирюнь, получил войско численностью в 7 000 человек, которое было, однако, плохо обеспечено: «за худобой лошадей войска его многие на верблюдах, а именно на каждом верблюде по два и по три человека» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 11. Д. 6. Л. 268].

Из последующих сообщений выясняется, что Досанг женился на Даши-Бирюнь, но публично об этом еще не объявляли, потому что замужеством матери был недоволен сын ее Амдо и ее зайсанги, а Досанг опасался «по нынешним обстоятельствам их озлобить» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 11. Д. 6. Л. 352об., 415].

В начале 1725 г. к претендентам на руку Даши-Бирюнь, а скорее всего на 1 000 кибиток ее подвластных, присоединился и сын Гунчжаба Дондук-Омбо. Когда до него дошел слух, что Церен-Дондук хочет жениться на Даши-Бирюнь, вдове Гунделека (в удел которого входил Багацатановский улус), Дондук-Омбо решительно заявил, что его отец, Гунчжаб, в свое время был на ней женат, и потому ему, Дондук-Омбо, надлежит на ней жениться. После этого, говорится в архивном материале, он «взял ее с улусом в неволю». Церен-Дондук не захотел ссориться с таким грозным соперником и уступил [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 41об.]. Вскоре после этого правительственный агент Олдоксон сообщал, что

люди Дондук-Омбо разграбили у Даши-Бирюнь конские табуны. Видимо, вдова неласково встретила претендента [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 87].

Итак, Даши-Бирюнь была замужем последовательно за Гунчжабом, Гунделеком и Чагдорджабом. После на ней хотел жениться Церен-Дондук, уже по обычаю поставили ему кибитку, в которой должна была происходить свадьба. Однако, как мы видели, тому воспрепятствовал Дондук-Омбо, утверждая, что он должен на ней жениться как на вдове своего отца [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 99].

Сама Даши-Бирюнь говорила астраханскому губернатору А. П. Волынскому при встрече, что была замужем за тремя мужьями, однако была несчастлива с каждым из мужей, и за четвертого, Досанга, замуж не имеет желания выходить. Сватались же к ней и Досанг, Петр Тайшин, Церен-Дондук и Дондук-Омбо, но она им всем отказала, не желая сына оставить без наследства, ссылаясь на Аюку, который разрешил ей жить одной [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 412].

Наконец Даши-Бирюнь сделала решительный шаг. Письмом от 4 июля 1731 г. она объявила В. П. Беклемишеву, тогдашнему руководителю Калмыцких дел, что хочет сама ехать ко двору и просит пока об этом не извещать никого из Калмыцкого ханства, «понеже калмыцких владельцев нравы такие, ежели из владельцев к вашему государю ехать намерение возымеет, жестоко не любят» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 374. Л. 374].

Даши-Бирюнь, будучи в Москве, сообщила, что из-за малолетства сына и из-за насильственных действий родственников, которые пытались отнять у нее улусы, она усыновила Дондук-Даши для того, чтобы он был братом ее сыну, и соединила свои улусы с улусами Дондук-Даши «дабы от насильства и от неприятелей защищал» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 50. Л. 60]. Кроме того, она заявила: «Желаю съездить к Далай-ламе и помолитца бурханом, понеже леты мои недруги мои померли, и об них тамо поминовения учинить и душе своей пользу зделать мышлю» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 50. Л. 61об.].

Даши-Бирюнь была приготовлена к отъезду в улусы, но 17 января 1732 г. в Москве заболела оспой и 24 января умерла. Посланцы ее были отпущены в улусы с ее подарками и личными вещами, предназначавшимися ее сыну Дамрин Балбару [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 50. Л. 60]. Письмом И. Ф. Барятинскому, временно управлявшему Калмыцкими делами, Дондук-Даши его оповещал: «Из улуса моего приехали мои люди и сказывают, что приехали в Царицын люди с Царын-Бирюнь. И едучи в пути мать моя Дашин-Бирюнь от оспы умерла, а по нашему обычаю надо сделать ей поминки, а если не поминать, то великий стыд, а мы по обычаю поминаем 49 дней». Письмо это И. Ф. Барятинский получил 16 марта 1732 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 52. Л. 34]. Нетрудно заметить, что место упокоения Даши-Бирюнь относят к двум местам — в Москве или же в пути.

Об этих событиях пишет и современник того времени В. М. Бакунин. Он называет сына Даши-Бирюнь Дамрин Бамбаром, подтверждает, что она просила отпустить ее к Далай-ламе и что она усыновила Дондук-Даши, объединив улусы для обеспечения защиты от противников [Бакунин 1995: 72]. Как свидетельствует В. М. Бакунин, императрица Анна Иоанновна удовлетворила просьбу Даши-Бирюнь и пожаловала ей ценные подарки. Умерла Даши-Бирюнь в Москве [Бакунин 1995: 72].

3.3. Некоторые особенности взаимоотношений в нойонских семьях

Определенные хлопоты доставляли улаживания ссор между женами нойонов в случае двоеженства. В мае 1739 г. поссорились две жены Лубжи, старшего сына Доржи Назарова. За посредничеством они обратились к хану Дондук-Омбо. По договоренности для разбора дела жены Лубжи в сопровождении ханского посланца Арулы ехали к хану. Тогда Бай, младший брат Лубжи, видимо, чувствуя свою вину, с 50 людьми бежал и соединился с беглыми от хана людьми. Прикочевав к переправе на Волге ниже Царицына, старшая жена Лубжи, Чот, со своим старшим сыном Бамбаром тайно помирилась с Баем, и тот решил напасть с боем на ханского посланца Арулу. Тогда последний с младшей женой Лубжи Цегунгой и ее сыном Емчином бежали и переправились через Волгу на левый берег. В результате Бай усилился и стал владельцем 2 000 кибиток [НА РК. Ф. И-36. Оп.1. Д. 113. Л. 22].

В реверсе (присяге, клятве, обещании) Дондук-Даши, данным им за своей печатью и подписью в Санкт-Петербурге 25 сентября 1741 г., говорилось следующее: «Багацатановский улус никому во владение не отдавать, а оставить его при Гунделекове сыне Амдоне, а за малоумием его, по завещанию матери его Даши-Бирюнь, получив его в смотрение наместнику Дондук-Даши, а прочих мелких владельцев каждого оставить при их собственных улусах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 135. Л. 93а].

Сестра наместника ханства Дондук-Даши, Нойн Абу была замужем за дербетским нойоном Четерем, а после смерти ее мужа возвращена пасынком Лабан-Дондуком к наместнику только на одной лошади (если верить наместнику), а из собственных ее людей в количестве 22 кибиток, а также скота ей были не отданы, хотя эти люди были не дербетами, а торгутами (т. е. ранее были поданными ее родных). Между тем по тогдашним порядкам и обычаям все, что было дано в качестве приданого, после смерти мужа его вдова должна была забрать с собой, поскольку она должна была быть отпущена со всем своим имуществом и людьми [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 259. Л. 98].

Нойона Замьяна, когда он ехал в 1757 г. для подачи жалобы, арестовали по приказу его жены его же улусные люди. Жена, Дан Араши (Данара), была родной сестрой Дондук-Даши. Замьян вскоре был отпущен, канцлер М. Н. Воронцов советовал Дондук-Даши вернуть Замьяну улусных людей и сына, ушедших от него с его женой, — писал об этом Замьян 30 сентября 1759 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 308. Л. 114].

В этом же, 1759 г., Дондук-Даши «отрешил» от хошутского нойона Еремпея его жену, сестру Бамбару, а за Еремпея выдал свою сестру. При этом Еремпель должен был возратить Бамбару с разведенной сестрой ее имущество, привезенное в качестве приданого, но нойон не отдал приданое [НА РК. Ф. И-36. Оп.1. Д. 308. Л. 122].

Глядя на эту чехарду, русская администрация могла только констатировать, что «...на пред сего у калмыцких владельцев такого обычая не было, дабы за дочерьми их в приданные улусы давались и потому нечаятельно, чтобы улус за нынешнюю Замьянову женою приданной улус был разве (только) несколько кибиток одних слугителей» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 308. Л. 123].

Примечателен тот факт, что овдовевшие нойонши начинали вести себя раскованнее в быту. 27 августа 1743 г. был произведен раздел Багацохуровского улуса между вдовой Галдана-Норбо (сына Дондук-Омбо) Никбой с детьми и

Дондук-Даши: Никбе достались 604 кибитки. Дети ее были малолетними, и до их совершеннолетия всеми делами заправляла она [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 1005, 1006, 1008].

25 марта 1743 г. к ней по поручению царицынского коменданта П. Кольцова¹ приехал служащий при Калмыцких делах переводчик Спиридон Везелев. Никба, когда С. Везелев хотел с ней встретиться, «встала уже поздно, часу в пятом или шестом дня (счет в тот период осуществлялся от момента восхода солнца. — М. Б.). А как она встала, пришел я к ея кибитке без доклада ея» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 431об.]. Служители Никбы не допустили С. Везелева в ее кибитку. Последний через ее толмача Габуна сообщил о причине своего приезда. В ответ нойонша сказала (как передавал С. Везелев): «Я де еду к попу в гости, как де оттуды приеду, ты де приди с письмом, а от попа она уже приехала ночью, пьяна, потому же меня к ней и не допустили же» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 1009]. Приняла она его только 30 марта и извинилась: «Ты де на меня не сердитуй, что де я тебя к себе не допускала, поднялась де у меня старая болезнь, приступила де ко мне кровь, эти де дни лежала без памяти» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 431об.—432]. Она действительно была больна: 1 сентября 1743 г. Никба умерла скоропостижно.

21 января 1761 г. также скоропостижно умер хан Дондук-Даши. Незадолго до смерти он велел перевести дербетские улусы внутрь своих улусов, чтобы они вместе с ним кочевали по р. Куме. Главный их нойон Галдан-Церен находился в это время с отрядом в Рын-песках на заставе от казахов. Узнав от своей матери Абы (она была дочерью Досанга), что его улусы подверглись гонению, он ушел с заставы, перешел Волгу и с частью своих улусов пришел под Царицын, прося коменданта впустить его в Царицынскую укрепленную линию. Тем временем умер хан. Пользуясь замешательством ханской стороны, Галдан-Церен пытался отобрать свои улусы силой. Однако дочь хана и жена Галдан-Церена с частью улусных людей «ушла в Орду (т. е. откочевала внутрь калмыцкой степи. — М. Б.)» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 329. Л. 155–156].

Для решения возникших проблем, в первую очередь вопроса о независимом от наместника Убаши кочевании, Галдан-Церен отправился в столицу. Он был представлен один раз Екатерине II, а потом внезапно заболел оспой и умер 16 июня 1764 г. Велено было до последующих распоряжений оставить улусы в управлении матери его — Абы, которая по своей бездетности не могла единолично управлять улусами. По соглашению А. Д. Бехтеева и И. А. Кишенского с Абой, с сыном Галдан-Церена Цебек-Убаши, троюродным братом Тундатом и с главными дербетскими зайсангами решено было Оджу, мать Цебека-Убаши, отправить для жительство и управления в дербетские улусы, взяв с нее некоторые обязательства [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 359. Л. 232–233]. Однако Оджа умерла 30 мая 1765 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 361. Л. 123].

А. Д. Бехтерев по просьбе к нему Басурмана-Тайджи писал Абе и ее зайсангам, чтобы они в случае, если не хотят оставить бездетную дочь Басурмана-Тайджи (которая была женой Галдан-Церена) у себя, вернули бы ее обратно к отцу с данными ей в приданое пятью кибитками и четырьмя девочками, данными для услуг [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 408]. Дочь звали Баярлаху, у нее отобрали три кибитки служителей [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 362. Л. 201].

¹ В документе отчество не указано.

Наместник Убаши был в ссоре с мачехой, ханшей Найджитан (второе имя — Церен-Джал). О своих обстоятельствах она поведала Н. А. Бекетову в письме от 23 декабря 1764 г. После смерти первого мужа (имя не названо) она вдовствовала, воспитывая своего малолетнего сына Эмген-Убаши. Потом вышла замуж за Яндыка, с «которым по достоинству ево прокладное и веселое житье имела» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 609]. Однако Дондук-Даши насильно с ним разлучил и взял ее в жены. После смерти его пасынок «яко мать и точное ... почтение чинил». «Ныне же, послушав свои ближних зайсангов, деньги ее и товары грабежом отнял» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 609].

В ответ на запрос Н. А. Бекетова по этому делу бригадир А. Д. Бехтеев в рапорте от 14 января 1765 г. писал, что эти письма она, видимо, писала до примирения, сейчас же живут в согласии. Что же касается до взятых у ханши назначенных для отправления к Далай-ламе вещей, то все они должны быть в сохранении у главного в калмыцком народе правителя, т. е. у Убаши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 615].

Русской администрации временами приходилось решать, казалось бы, незначительные вопросы. Когда Оджа в 1756 г. родила сына Цебек-Убаши, то отец подарил ей эмчи Добдона, «состоящего в двух кибитках», который в 1763 г. был включен в число духовных лиц. В августе 1764 г. Оджа узнала, что Басурман-Тайджи объявил его своим подвластным, и «для взятья того эмчи послал людей». Оджа за защитой обратилась к А. Д. Бехтееву [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 418].

Дербетский зайсанг Дюкур жаловался Н. А. Спицыну, что владелица отбирает у него людей. Аба ответила, что Дюкур просит о трех кибитках, за которых она ходатайствовала, чтобы их освободить от платежа податей, которые берутся с них не для него, Дюкура, а для Абы и Галдан-Церена. Она предлагала взять Дюкуру другие три кибитки для последующего сбора с них подати [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 284. Л. 31–34].

Нойонша Падма в 1800 г. сообщала местной администрации, что Аба — дочь Досанга, Оджа — дочь Дондук-Даши, и она — дочь Бодонга (младший родной брат Дондук-Даши) при выходе замуж за дербетских владельцев вывели за собой по 20 кибиток подаренных им подвластных. Они были у них отняты, по причине чего Падма просила вернуть этих подвластных-котечинеров [НА РК. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 105. Л. 3]. Тарза, жена дербетского нойона Цендена, сообщала Калмыцкому правлению в ноябре 1798 г., что, когда заболел ее сын Бабул, она имевшиеся у нее «имение», скот, деньги и из малого числа своих подвластных 20 кибиток поднесла «всевышнему создателю богу», так как по закону и обычаю «лично архиерею, духовенству и хурулу, то есть монастырю и невидимому вседержителю богу с искренностью таковое воздаяние делать должно, и то подаяние брать обратно закона не имеется» [НА РК. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 45. Л. 9]. Таким образом, ряд фактов из архивных документов свидетельствует о дарении людей в качестве приданого представительницам женского пола из сословия нойонов.

В семьях наместников и ханов бывали неурядицы и ссоры. Особенно их случаи участились при Убаши. 7 января 1765 г. у Н. А. Бекетова был зайсанг Ондон из подчиненных наместнику Убаши. Во время беседы губернатор поднял вопрос об Убаши, который обидел свою мачеху Церен-Джал, т. е. вдовствующую ханшу Найджитан. Ондон ответил, что это произошло по предложению знатных зайсангов, да и простолюдинов, «на основании старых калмыцких

обычаев», согласно которым остающиеся после смерти ханов жены их «полной власти и содержания большого не имеют, чтобы через то излишними поборами не отяготить народ» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 363. Л. 18]. В данной ситуации на содержание Убаши и ханши уходило много средств (нашедших выражение в вещах, деньгах и «излишествах»). В связи с этим народ стал возмущаться и в 1763 г. уже не хотел платить подати. Чтобы такое не повторилось, наместник совместно с зайсангами, в числе которых был и Ондон, решили уменьшить содержание Найджитан, отобрать от нее часть людей и вещей, «чтоб она особо теми вещами не могла покорыстоваться». Да и ханша была сначала довольна выделенным содержанием, и о причинах ее недовольства уже после этого Ондон не смог сообщить [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 363. Л. 18].

Из письма ханши Церен-Джал (Найджитан, Найджитун — называется в документах то первым, то вторым именем. — М. Б.) к Н. А. Бекетову от 1 февраля 1765 г. выясняется, что она младшая сестра Замьяна. У Дармы-Балы было три сына. За Церен-Дондуком была замужем старшая сестра Церен-Джалы — Деджит, мать наместника Убаши. После смерти Церен-Дондука Дондук-Омбо взял Дарму-Балу, Деджит и Галдан-Данжина к себе в улусы со всеми их людьми. Хотя знатные зайсанги Дондук-Омбо старались у них отобрать их людей, но хан им сказал, «что они затевают необыкновенное, да и с правами несходное дело, отчего он немалой стыд и нареkanie получить может, и ничего от тех ханш не отобрал. Сверх того в довольствие пищу, одежду и скот из улусов давать определил» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 366. Л. 20]. В завершение письма Найджитан жаловалась на поступки Убаши.

Убаши отвечал на губернаторское письмо о жалобе Найджитан 5 января 1765 г. Подвластные, писал он, представляли ему, что владелец от подвластных своих людей довольствие получает, а подданные «со скотом жить должны» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 366. Л. 224]. Они за последние 4–5 лет из-за разных событий в улусах подверглись крайнему разорению. К тому же за их счет содержатся два равных владельца, т. е. наместник Убаши и его мачеха Найджитан, а размер податей по некоторым причинам увеличивается — все это приводит к крайнему обеднению подвластных. Убаши заключал: «У нас же издавна существует установление, что женам умерших хана или владельцев в их содержании, по сравнению с прежним, делается убавок, которое со времен хана Аюки каждым владельцем соблюдается» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 366. Л. 224].

4. Заключение

Изученный архивный документальный материал свидетельствует, что в XVIII в. калмыцкие нойонши постепенно освобождались от некоторых стеснительных для них обычаев и бытовых предписаний. Подобный процесс приводил к разладу в нойонских семьях и давал возможность вмешательства в эти распри российской администрации.хлопоты нойонш за улучшение своего социально-бытового положения расширяли их жизненный кругозор, что хорошо видно на примере наиболее «продвинутых» из них. Кроме того, к разладам в семьях нойонов могли приводить и психологические мотивы. Примером может случить случай с супругой племянника Дондук-Омбо — нойона Нингбы, который имела «не согласие» с пасынком, не желавшим с ней жить и бывшем при наместнике ханства [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 206. Л. 336].

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.

Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть IV: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, так же история о Малой России и купно о Курляндии и Литве. СПб.: Имп. Академия наук, 1799. 388 с.

Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: с картой Калмыцкой степи. СПб.: Мин-во гос. имуществ, 1870. 170 с.

Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.

Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 290 с.

Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 139 с.

References

Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, Especially of the Torgout People, and the Deeds of their Khans and Owners: essay of 1761. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)

Bichurin N. Y. (Iakinof). Historical Review of Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present Time. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 127 p. (In Russ.)

Georgi I. G. Description of all Peoples Living in the Russian State. Part IV: About the Mongolian Peoples, Armenians, Georgians, Indians, Germans, Poles and the Ruling Russians, with the Description of all the Names of the Cossacks, as well as the History of the Little Russia and about Courland and Lithuania. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1799. 388 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Historical and Statistical Information about the Kalmyks Travelling in Astrakhan Province: with the Map of the Kalmyk Steppe. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 170 p. (In Russ.)

Nebolsin P. I. Sketches of the Life of the Kalmyks of the Khoshoutov Ulus composed by Pavel Nebolsin. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)

Nefediev N. A. Detailed Information about the Volga Kalmyks assembled locally by N. Nefediev. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)

Palmov N. N. Sketch of the History of the Kalmyk People during their Stay within the territory of Russia. Astrakhan: Kalmgosizdat, 1922. 139 p. (In Russ.)